

Муратова Римма Талгатовна

**СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**Специальность 10.02.02 – Языки народов
Российской Федерации (башкирский язык)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2009

Работа выполнена в отделе языкознания Учреждения Российской академии наук Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор
Хисамитдинова
Фирдаус Гильмитдиновна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор, член-корр. РАН
Дыбо Анна Владимировна
(Институт языкознания РАН)

кандидат филологических
наук, доцент
Ягафарова Гульназ
Нурфаезовна
(ГОУ ВПО "Стерлитамакская
государственная педагогическая
академия им. Зайнаб Биишевской")

Ведущая организация:

ГОУ ВПО "Казанский государственный
университет им. В.И. Ульянова-Ленина"

Защита состоится «16» декабря 2009 года в 11⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Учреждении Российской академии наук Институте языкознания РАН по адресу: 125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Института языкознания РАН.

Автореферат разослан

«14» декабря 2009 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук**

A handwritten signature in black ink, likely belonging to P.P. Dambueva.

П.П.Дамбуева

Актуальность исследования. В последние годы в языкознании активизировались исследования этнолингвистического характера. Изучаются проблемы взаимоотношения языка и культуры, языка и мифологии, языковая картина мира, национальный образ мира, этнокультурная лексика. Язык в его разнообразных функциях в соотношении с народным менталитетом, духовной культурой, народным творчеством, мифологией, язык как вербальный код и модель культуры стал объектом изучения возродившейся в мировом языкознании этнолингвистики.

В башкирском языкознании в этнолингвистическом плане исследуются обрядовая терминология, тематические группы лексики, изучаются лексические и языковые особенности башкирских эпосов, сказок, пословиц и поговорок. Имеются работы по мифологической, этнокультурной лексике башкирского языка.

Однако остается нерешенной проблема выявления и описания содержания этнолексем с числовым показателем, где числа содержат богатую культурную семантику, имеют сакральную символику. Необходимость комплексного изучения национально-культурной символики чисел башкирского языка определяет актуальность настоящего исследования.

Под понятием “символика числа” в нашей работе подразумевается национально-культурная семантика чисел и лексем с числовым показателем, зафиксированная в духовной и материальной культуре, мифологических и космологических представлениях, верованиях, обычаях и обрядах, заговорах, устном народном творчестве, а также языке народа. Одним словом, числа рассматриваются не только как единицы языка, но и как единицы культуры.

Актуальность темы также обусловлена тем, что результаты исследования по числовой символике в башкирском языке могут пролить свет на многие проблемы в построении общей языковой картины мира башкир.

* Аминева Ф.С. Лексика продуктов питания в башкирском языке. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Уфа, 2004. – 25 с.; Багаутдинова Г.Н. Традиционная военная лексика башкирского языка. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Уфа, 2001. – 20 с.; Багаутдинова М.И. Этнографическая лексика башкирского языка. – Уфа, 2002. – 116 с.; Батыршина Г.Р. Терминология родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). Автореф. дисс. ... к.ф.н. – М., 2008. – 24 с.; Бинер И. Особенности языка и стиля пословиц и поговорок в башкирском и турецком языках. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Уфа, 2004. – 26 с.; Бухарова Г.Х. Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии. – Уфа, 2003. – 150 с.; Ишбулатова Х.Д. Бытовая лексика башкирского языка. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Уфа, 1999. – 28 с.; Кульсарина Г.Г. Язык и стиль башкирских народных сказок. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Уфа, 2003. – 21 с.; Сулейманова Л.Р. Лексика и фразеология погребально-поминального обряда в башкирском языке (этнолингвистический анализ). Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Уфа, 2006. – 25 с.; Хадыева Р.Н. Этнокультурное значение лексики башкирского языка. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Уфа, 2003. – 24 с. и др.

Предметом нашего исследования являются языковые единицы башкирского языка с числовым показателем, встречающиеся в мифологии, духовной культуре, языке, фольклоре народа.

Объектом исследования явились числа башкирского языка, обладающие сакральными, символическими значениями, несущие в себе этнокультурную семантику, обозначающие национальные особенности миропонимания, мировидения народа.

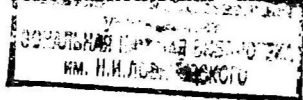
Цель исследования состоит в выявлении особенностей использования сакральных чисел в языке, фольклоре и мифологии башкирского народа, установлении общекультурного и специфического значений в семантике чисел башкирского языка.

Для реализации сформулированной цели потребовалось решить следующие основные **задачи**:

- рассмотрение чисел как фрагмента языковой картины мира башкир;
- исследование чисел как символов;
- изучение предпосылок сакрализации чисел на основе общечеловеческих и национально-культурных трактовок;
- обоснование основных механизмов употребления сакральных чисел с целью определения их этнокультурной символики;
- выявление языковых единиц с числовым показателем на материале башкирского языка;
- исследование продуктивности числительных в образовании башкирских фразеологических единиц;
- определение роли чисел в качестве словообразовательного компонента в ономастике;
- установление особенностей употребления чисел в произведениях башкирского фольклора.

Материалом исследования послужили лексические единицы с числовым показателем, собранные из древнетюркских письменных памятников, словаря М.Кашгари, толковых, диалектологических, фразеологических, тематических словарей башкирского языка, а также материалы по сакральным числам, содержащиеся в трудах лингвистов, фольклористов, этнографов, археологов, 18-томном своде башкирского фольклора (эпосы, сказки, легенды, предания, песни, сказки, загадки, заговоры, пословицы, поговорки и т.д.). Кроме этого, учитывались диалектные материалы, хранящиеся в фондах Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Методы и приемы исследования. Для решения поставленных задач в качестве ведущего метода исследования использовался метод семантического анализа – анализ культурологического значения чисел; описательный метод, включающий в себя наблюдения и классификацию исследуемого материала; сопоставительный анализ для выявления

универсальных и дифференциальных признаков среди сакральных чисел. Использовался метод сплошной выборки из различных фразеологических, тематических, толковых, двуязычных словарей по критерию наличия числового показателя в языковых единицах, сравнительно-исторический метод (по тюркским языкам и памятникам).

Научная новизна исследования состоит в том, что данная диссертационная работа представляет собой первое в башкирском языкознании монографическое исследование по числовой символике и впервые осуществлён комплексный системный анализ сакральных чисел башкирского языка.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные этнолингвистике, языковой картине мира, семантике и символике чисел.

В основу диссертационного исследования положены идеи и взгляды о взаимоотношении языка и культуры, этнолингвистическом подходе к изучению языковых единиц таких лингвистов, как В. фон Гумбольдт, Н.И.Толстой, С.М.Толстая, Ю.Д.Апресян, В.Н.Топоров, Ю.С.Степанов, Э.Р.Тенишев, Н.Д.Арутюнова, А.В.Дыбо и др.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в лексикологию и этнолингвистику, ибо анализ чисел, их символики помогает глубже понять общие законы, свойственные лексической семантике, установить связь языка и культуры, показать реальную значимость каждого из компонентов семантической структуры слова в диахронно-синхронном аспекте.

Практическая значимость работы состоит в том, что фактический материал, представленный в диссертации, может быть использован для составления толковых, двуязычных, терминологических и мифологических словарей тюркских языков. Результаты исследования могут найти применение при подготовке лекций, спецкурсов, спецсеминаров по лексикологии и фразеологии, морфологии, этнолингвистике и лингвокультурологии, а также при составлении программ, учебных и учебно-методических пособий для высших и средних специальных учебных заведений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существенный признак чисел – это выделение какого-то данного числа из ряда других, где число выражает отношение. Для сущности числа характерен процесс переосмысления его семантики, несмотря на то, что по сравнению с другими лексическими понятиями ему менее присуща многозначность при самостоятельном употреблении, в культурном контексте число утрачивает числовое и приобретает сакральное, символическое, магическое значения.

2. Наличие в башкирском языке языковых единиц с числовым показателем, семантика которых представляет сложный комплекс национально-культурных представлений, является объективным отражением в мышлении человека явлений материального мира и занимает определенный пласт в системе языка.

3. Сакральные числа башкирского языка являются универсальными символами мировой культуры, с одной стороны, и обладают национально-культурной семантикой, с другой.

4. Универсальность символизации чисел в мировой культуре определяется антропоцентричностью мировосприятия и универсальной системой развития человечества, а также желанием человека объяснить устройство мира, общества и самого себя через сакральную силу чисел.

5. Сакральную семантику приобретают не все числа языка, а только определенные. Наиболее продуктивными в символизации являются числительные первого десятка. С усложнением морфологической структуры числительных снижается активность их употребления, о чем свидетельствует ограниченное количество составных числительных, обладающих национально-культурной семантикой.

6. Система взглядов башкир, основанная на числовой символике, – это результат исторических событий, определяющих эволюцию понятия числа и смену отношения к нему в духовной культуре башкир, а также система абстрактно-теоретических взглядов и образно-чувственных представлений народа.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседании отдела языкознания Учреждения Российской академии наук Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Основные положения и выводы диссертации были изложены и обсуждены на 2 международных, 7 всероссийских, 6 межрегиональных и республиканских научных и научно-практических конференциях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, рассматриваются степень ее изученности, источниковая база, определяются цели и задачи исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе “Числовая символика и ее изучение в языкознании” рассматриваются такие понятия, как языковая картина мира, числовая модель мира, определяется символическая природа числа, а также дается обзор лингвистических работ, посвященных исследованию числовой символики в культурах разных народов.

В последнее время ряд ученых посвятили свои исследования проблеме языковой картины мира в общетеоретическом плане (Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, Г.А.Брутян, Ю.Н.Караулов, Г.В.Колшанский, Е.С.Кубрякова, В.И.Постовалова, Б.А.Серебренников, Ю.С.Степанов, Н.И.Сукаленко и др.), выявлению национально-культурных особенностей, а также ключевых концептов разных языков и культур (З.Х.Бижева, Р.Р.Замалетдинов, З.М.Раемгужина, Ю.Д.Тильман, Е.В.Урысон, Р.Х.Хайруллина и др.).

В качестве параметров национальной языковой картины мира выступают, прежде всего, уникальные категории человеческого сознания и культуры, одним из которых является число [Гуревич 1984, 31]. Следует отметить, что модель числа представляется частью или фрагментом «целой языковой картины мира» [Шичжан 2001, 34-35].

В современных исследованиях лингвисты рассматривают число не только как грамматическую категорию, но и как фрагмент языковой картины мира. Возрастает интерес к изучению сакральных чисел, их этнокультурной символики, числовой модели мира того или иного народа и т.д.

Необходимо различать понятие числа от числительного. Числительное – это часть речи, выражающее количество. А число – это отношение, которое имеет более широкое значение. Понятие числа тесно связано с понятиями количества, порядка, счета, грамматического числа. По словам С.М.Толстой, помимо абстрактного, чисто количественного и порядкового значения, число в языке народной культуры наделяется неким дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки и символизации [Толстая 2002, 43].

Исследователями обнаружено сходство чисел и их символики в различных культурах, что объясняется универсальностью характера символов. Однако каждое сакральное число обладает этнокультурной спецификой, которая находит отражение в культуре и языке народа.

Число, являясь понятием, необходимым в различных областях человеческого знания и опыта, стало объектом исследования философов (Пифагор, Плотин, Платон, А.Августин, А.Лосев и др.), культурологов (Ю.Лотман, О.Шпенглер и др.).

На разных этапах формирования научной мысли исследователи, включая культурологов и лингвистов, обращались к проблеме символического значения и художественной функции числа в различных мифопоэтических системах. Данный вопрос поднимается в трудах Т.И.Вендиной, С.А.Жаботинской, В.В.Иванова, В.М.Кириллина, М.М.Маковского, М.Н.Приемышевой, Ю.С.Степанова, В.Н.Топорова, Д.О.Шеппинга и др.

Употребление числительных в произведениях устного народного творчества является объектом исследований в трудах многих отечественных и зарубежных ученых, как В.Вольнер, Н.Л.Жуковская, З.П.Иванова, В.М.Кириллин, С.Ю.Неклюдов, М.Орешкова, С.П.Праведников, Г.Ц.Пюрбеев и др.

В лингвистике ряд исследований посвящен символике чисел в культурах разных народов. Числовая символика изучалась как фрагмент национально-культурной языковой картины мира калмыков [Голубева 2006], рассматривались имена числительные в картине мира селькупов [Быконя 1998], исследовалась семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира [Осипова 2008] и т.д.

В тюркском языкознании рассматривались функции чисел в произведениях устного народного творчества [Габышева 1988, Жураев 1987, Избекова 2000, Abdulla 2006], топонимии [Койчубаев 1969, Кудайбергенов 1980, Молчанова 1976, Мурзаев 1996, Петров 1980], фразеологических единицах [Елешева 1989, Гизатуллина 2004], мифологии [Durbilmez 2008]. В последнее время числа стали объектом внимания в связи с изучением этнокультурной лексики в работах казахских ученых [Жанпеисов 1989, Кайдаров 2005].

Проанализировав пратюркские числительные, исследователи отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН под руководством Э.Р.Тенишева и А.В.Дыбо реконструировали картину духовной и материальной жизни пратюрков. Ученые отметили, что тюркские языки, подобно многим другим языкам различных семей, в процессе длительного развития выработали универсалию в области чисел, уходящую от основной счетной функции и придающую определенным числам дополнительные символические, ритуальные значения [СИГТЯ 2006, 629].

В башкирском языкознании изучение лексических единиц, составление языковой картины мира на основе этнографического, фольклорного, мифологического материала находится на начальном этапе. Ученые обратили внимание на символические значения чисел в связи с изучением топонимов [Бухарова 2003, Камалов 1994, 1997, Усманова 1994, Хисамитдинова 1991, Шакуров 1986], антропонимов [Кусимова 1975, Раемгужина 2006], фразеологизмов [Раемгужина 1999], этнолингвистических значений слов [Хадыева 2005].

Во второй главе **“Этнокультурная символика чисел башкирского языка”** рассматриваются сакральные числа башкирского языка, встречающиеся в поверьях, народной медицине, заговорах, родинном, свадебном, погребально-поминальном обрядах, эпосах, сказках, загадках, поговорках и т.д.

В башкирском языке числа 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 40, 100, 1000 имеют этнокультурную семантику.

Общетюркское числительное *bi:r* 'один' одни ученые связывали с монгольским местоимением *büri* 'всё, все, каждый' [Рамстедт 1957, 65], другие – со словом *barmaq* 'палец' [Тенишев 1978, 110], местоимением *bir/bär* 'этот вот', которое указывало на объекты, находящиеся близко от говорящего [Эрнйтс 1987, 77-79] и т.д.

Одно из наиболее часто встречающихся значений числа *бер* 'один' – это наличие, существование кого-либо, чего-либо. Это значение тесно связано с употреблением числа *бер* 'один' в качестве неопределенного артикля. Такая семантика числа *бер* 'один' встречается в эпосах, сказках, где проявляются мифологические представления народа. Эпос "Урал-батыр" начинается с описания ограниченного со всех сторон пространства, именуемого *бер урын* досл. 'одно место':

Дурт язғын диңгез ураткан

Булған, ти, бер урын.

'С четырех сторон окруженное морем

Было место одно, говорят'.

(Эпос "Урал-батыр").

Если исходить из всего контекста эпоса, то данное место *бер урын* нужно понимать как пространство, имеющее определенные пределы, где зарождается жизнь, происходит какое-либо событие, находится какой-либо объект, персонаж [Аминев 2005, 7-8].

В башкирском языке значение целостности, совершенства, передаваемое числом *бер* 'один', отразилось в выражениях *үзе бер гүмер* 'целая жизнь', *бер бөтөн донъя* 'целый мир', *бер тигән* 'очень хороший, самый лучший'.

Число *бер* 'один' используется со словами-нумеративами и обозначает сильнейшее действие, концентрацию сил в одном куске, капле и т.д., имеющих репающее значение в жизни человека: *бер бөртөк кыл* 'один волосок из гривы или хвоста', *бер бөртөк сәс* 'один волос', *бер семтем йөн* 'один клочок шерсти', *бер тамсы һыу* 'одна капля воды', *бер оскон* 'одна искорка'. Это значение встречается в народных поверьях, связанных с культом скота: *мал һаткандә кото китмәһән тип берәр семтем йөнөн, мамығын алып калалар* 'при продаже скота, чтобы с хозяйства не ушел кот' 'изобилие, удача', *оставляют (один) клочок шерсти или пуха из определенных мест животного* [Хадыева 2002, 50].

* кот – этнокультурное понятие, которое обеспечивает человеку удачу, уют, успех, счастье, богатство. Мал кото обеспечивает удачу в ведении домашнего скота.

В работе также рассматриваются слова яңғыз 'одинокий', һыңар 'беспарный', тауғе 'первый', которые несут национально-культурную семантику, отражают мифологические представления народа.

Слово тауғе 'первый' несет семантику первое движение, начало. В народной культуре первое действие, явление имеет значение магического начала и обозначается особым выражением: карын сәсе досл. 'утробные волосы' (первые волосы ребенка), эт күлдәге досл. 'собачья рубашка' (первая рубашка младенца) и др.

Слово яңғыз 'одинокий' имеет семантику одинокий, беспарный. Одинокие существа, предметы у башкир считались священными. Существуют запреты, требующие особого отношения к одиноким предметам, существам: яңғыз ағасты киҫергә ярамай 'нельзя рубить одинокое дерево'; яңғыз аҫҡошто атырға ярамай, бәлә килер 'нельзя убивать одинокого лебедя, беда придет'.

В мифологии башкир слово һыңар 'беспарный' является постоянным эпитетом в описании отрицательных персонажей, злых духов, нечистой силы, указывает на аномалию природных явлений, несовершенство существ: шүрәле һыңар куллы, һыңар аяҡлы, һыңар мөгөҙлө була 'леший бывает одноруким, одноногим, однорогим'.

Г.И.Рамстедт, рассматривая системы числительных разных языков, предполагает, что значение тюркского числа *eki* 'два' было 'ближайший, следующий' [Ramstedt 1957, 92-93]. Э.Р.Тенишев выдвигает гипотезу, что числительное *eki* 'два' произошло от числительного, встречающегося в орхонских памятниках глагола *eg-* 'следовать, преследовать' [СИГТЯ 1988, 165]. Таким образом, исследования показывают, что понятие *eki* 'два' подразумевает число, следующее за числом один, ближайшее к числу один.

С числом ике 'два' в поверьях башкир связано наличие двух миров: этот мир и загробный мир. Это выражается в пожеланиях и заклинаниях: ике донъяның рахәтен күр 'живи хорошо в обоих мирах'; ике донъяла изгелек күрмәгер 'чтоб не видать тебе добра в обоих мирах'.

Число ике 'два' употребляется в описании явлений, лиц, которые противопоставляются друг другу. Противоположность двух начал выражается в религиозных представлениях башкир об ангелах: кеше үлгәс, ике фәрештә Монкир менән Нәнкир һорау алырға килә 'после смерти к человеку приходят задать вопросы два ангела – Мункир и Нәнкир'. Образ фәрештә 'ангел' в башкирскую мифологию пришел с исламом. По представлениям башкир, Мункир сидит на правом плече человека и записывает его добрые дела, Нәнкир – на левом плече и фиксирует грехи. В зависимости от того, каких дел зафиксировано больше, Аллах человека отправляет или в рай, или в ад.

В башкирской мифологии рождение близнецов, двойни (*игез/игезэк*) оценивалось положительно. Существует система поверий и примет по отношению к двойне в семье: *игезэктәр бер бөтөн тип һаналган: береһе йөрәк, икенсеһе бауыр; йөрәк булганы уһа, икенсеһе ла йәшәмәйсәк; бауыр булганы уһа, икенсеһе артабан йәшәүен дауам итәсәк* 'двойни считались одним целым: один из них сердце, другой – печень; если умрет тот, который считается сердцем, и другой не будет жить; если умрет тот, который считается печенью, то другой будет продолжать жить'.

Этимологию общетюркского числа *үс* 'три' ученые связывают с общетюркским *үс* 'конец, вершина, острие' [Чанышев 1985, 79]. Г.И.Рамстедт сравнивал тюрк. *үс* с монг. *үй-ken* 'маленький, немного', тунг. *уци-ле* 'разбивать, делить на куски' и т.д. [Ramstedt 1957, 148]. К.К.Юдахин, наблюдавший игру киргизских детей в альчики, записал систему счета с употреблением *үс* в значении предела счета – 'пять'. Он установил в качестве первоначального киргизское *үс* 'конец' [Юдахин 1940, 191-193]. Э.Р.Тенишев также предполагает, что первоначальный предел счета *үс* получил порядковый номер *три* [СИГТЯ 1988, 166].

В древнейших представлениях башкир с числом *өс* 'три' связано членение мифологического пространства на мир подземный, земной и небесный. В эпосе «Урал-батыр» сохранились отголоски древнейших мифов о «первотворении», космической модели Вселенной в ее трихотомическом варианте: 1) о верхнем, небесном мире, где живут бессмертные небожители (*күк өстө*); 2) среднем, земном, населенном обыкновенными людьми (*ер өстө*); 3) нижнем, подземном, где живут темные и злые силы, приносящие вред обитателям среднего мира и небожителям (*һыу/ер асты*). Представление о трехъярусной модели мироздания было свойственно многим народам.

Акцент на числе *өс* 'три' характерен для похоронно-поминальной обрядности мусульман. На третий день после смерти человека проводили поминки *өсө* 'третьины'. Выражения *өсөн укытыу* 'чтёние Корана на третьины', *өсөн үткәреу* 'проведение третьин' определяют семантику третьего дня в похоронно-поминальном обряде, указывая на сакральный рубеж времени.

Число *өс* 'три', символизирующее завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, чаще всего фигурирует в обрядовых и ритуальных ситуациях трижды совершать то или иное магическое действие. Человек обращался к троекратному повтору в решающих ситуациях своей жизни, а также для удачного выполнения какого-либо деяния: *май айында балтыргандан өс тапкыр аш бешерергә карәк* 'в мае месяце нужно три раза готовить суп из борщевика; *ямгыр теләгәндә ак кәзәнец канын өс*

тапкыр тира-ятка ыбалар 'при вызывании дождя кровь белой козы при разе разбрызгивают по сторонам'.

В лечебной магии, обрядах, направленных на устранение недуга или обеспечение благополучия семье, дому и т.п., условием достижения цели является применение при заговаривании трех разных предметов, взятых из трех мест: куз тейеүзе өс мунсанан таш алып имләгәндәр 'сглаз заговаривали камнями, взятыми в трех банях'; биртек ауырыуын имләгәндә өс өйзән биртек ашы йыйгандар 'при заговаривании радикулита собирали обрядовую пищу из трех домов'.

Общетюрк. td:rt/dd:rt 'четыре', по мнению Г.И.Рамstedта и А.Н.Самойловича, имеют основу dd-, общую с общемонгольским dörben 'четыре' [Рамstedт 1957, 64; Самойлович 1927, 148]. Я.А.Чанышев считает, что тюркское числительное td:rt 'четыре' образовано лексико-семантическим способом от общетюрк. tür 'сворачивай, свертывай' + t(y) 'палец' [Чанышев 1985, 79]. Как рассуждает Э.Р.Тенишев, числительное td:rt/dd:rt 'четыре', этимологически может быть связано с четвертым (указательным) пальцем, функция которого состоит в указывании на предметы, что обозначается глаголом tört 'толкнуть' [СИГТЯ 1988, 167].

Число четыре входит в довольно древнюю традицию обозначения четырех сторон, четырех углов или всего света. Ср.: др.-уйг.пун. tört buluq 'страны света' (досл. 'четыре угла'), др.-уйг. tört buluq 'весь мир' (досл. 'четыре угла'). В современных тюркских языках tört в сочетании со словами, обозначающими 'сторона, угол', образует словосочетания со значением 'весь мир, шар земной, четыре угла света': тур. dünjanun dört buğundan 'со всех концов света' (досл. 'с четырех углов света'), каз. dünjeniñ tört buryşu 'весь мир, шар земной' (досл. 'четыре угла света'), кбалк. tört dunja 'весь мир' (досл. 'четыре мира') [СИГТЯ 2001, 582].

Деление мира на несколько отдельных частей или сторон было широко распространено и у башкир. Константа, исходящая из древнейших географических познаний далеких предков, служит постоянным эпитетом, выполняя уже художественно-эстетическую функцию в выражении дүрт ягың кибла 'ступай на все четыре стороны' (в букв. значении 'все твои четыре стороны кибла – направление на Каабу').

Мифологическая окраска числа дүрт 'четыре' проявляется в поверьях народа. По представлениям башкир, у человека бывает четыре души – дүрт йән: йән 'душа жизни', исем 'душа имени', кот 'душа счастья и благополучия', тын 'душа дыхания'. Эти души в совокупности определяли жизнь и смерть, здоровье и благополучие, сущность и судьбу человека. Поэтому в башкирских верованиях,

обычаях и обрядах, фольклоре, в целом традиционной культуре душа занимает особое место. Ср.: подобное поверье можно встретить в древнеуйгурских религиозных представлениях – *tört toyum* ‘четыре рождения’ [СИГТЯ 2006, 631].

В отношении многих языков отмечалось, что числительное *пять* происходит от слов со значением *рука* [Панфилов 1977, 172-173]. Г.И.Рамstedт связывает тюрк. *beş* ‘пять’ с чув. *piläk-pilläk*, каз. *bilek* ‘запястье’ [Рамstedт 1957, 65]. По Э.Р.Тенишеву, числительное *pä:š / bā:š* восходит к слову *beläk* ‘предплечье, запястье, кисть руки’. Слово состоит из корня *bel-* и аффикса уменьшительности *-äk*. Производной от *bā:l* является форма *bā:š* (на основании соответствия *l-š*) [СИГТЯ 1988, 168]. Э.Р.Тенишев предполагает, что “числительным пять, которое содержало в основе значение ‘рука, одна рука’, у тюрков некогда заканчивалась система счета” [СИГТЯ 1988, 168].

В башкирской народной культуре сакральное число *биш* ‘пять’ предусматривает сумму горизонтального пространства и центра. Это ярко выражено в башкирских эпических произведениях. В эпосе “Урал-батыр” говорится о пяти странах:

Биш ил барын белдем мин:

Береһендә мин тыузым,

Икеһен барғас күрҙем мин,

Калған тағы икәүһен

Күрергә тип сыҡтым мин.

‘Пять’ стран я узнал:

В одной родился я сам,

Две увидел, когда странствовал я,

Остальные же две

Отправился повидать’.

(Эпос “Урал-батыр”).

Некоторые исламские обряды и понятия образовались с учетом пятеричности. Число *биш* ‘пять’ включает в себе мысль о пяти молитвах, совершаемых в течение суток и обязательных для мусульман: *биш намаз* ‘пять молитв’.

Г.И.Рамstedт тюркское число *je+ti* ‘семь’ связывает со значением ‘палец-ёдок’, т.е. ‘палец для еды’ от *je-* ‘есть, кушать’ [Рамstedт 1957, 66]. М.Хартманн и М.Рясянен полагают, что *jetü* происходит от глагола *jet-* ‘достигать’; *jet-di>jetü* ‘достигнуто, готово’ [Hartmann 1900, 155; Räsänen 1957, 77-78]. В.З.Панфилов рассуждает, что тюркским числом “семь” заканчивался подсчет, актуализирующий значение достижения. Поэтому оно имеет сакральный характер в представлениях многих народов [Панфилов 1977, 167].

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, число *eme* ‘семь’ несет мощную сакральную семантику. По частоте употребления и широте охвата сфер употребления число *eme* ‘семь’ занимает особое место среди чисел.

Числом *eme* ‘семь’ выражаются космологические представления башкир о пространственном строении мира. По поверьям, земля и небо состоят из семи слоев. Небесное мифологическое пространство, где

обитают ангелы, высшие силы, обозначается выражением ете кат кук 'семислойное небо'. Выражение ете кат ер асты 'под семью слоями земли' указывает на мифологическое пространство, где обитают злые силы, низшие существа. Ср.: крх.-уйг. *jetti qat kök* 'небо с семью сводами', кбалк. *žerñi žeti qatı* 'ад' (досл. 'семь слоев земли') [СИГТЯ 2006, 633].

Выражения ете диңгез аръягында 'за семью морями', ете тау артында 'за семью горами' обозначают границы, где начинается чужой мир. Достижение этого пространства в сказках сопровождается различными трудностями, испытаниями.

Семерка выступает как удобный эталон для отсчета времени. Значение "предела" времени число ете 'семь' несет в сочетаниях, выражающих родственные отношения: ете быуынын белеу 'знать семь поколений'. Считалось, что башкир должен был знать своих предков до семи колен. То же самое значение имеет выражение ете атаһы 'семь отцов' – до семи колен, семизначного предела мир является родным, своим, а за семью начинается чужое. Выражение ете ят досл. 'семикратно чужой' употребляется для передачи значения отсутствия родственных уз. В других тюркских языках встречаются выражения, которые несут семантику семизначного предела родственных отношений: каз. *žeti ata* досл. 'семь отцов', кбалк. *žeti atadan beri* 'испокон веков' (досл. 'начиная с семи отцов') [СИГТЯ 2001, 584].

Число ете 'семь' как эталон времени закрепилось и в религиозных представлениях. На седьмой день после смерти человека проводили седьмины – етеһе. Выражения етеһен укытыу 'чтение Корана на седьмины', етеһен үткәреу 'проведение седьмин' также указывают на семантику значимости седьмого дня поминок как сакрального рубежа времени. Ср.: в узбекской традиции *jetti* 'четвертый траурный день' (число семь складывается из трех ночей и четырех дней) [СИГТЯ 2006, 633].

При определении количества предметов, их вида, а также при счете, повторе вопросов и ответов и т.п., что характерно для целого ряда обрядов, семерка выбирается как число, обладающее мощной магической силой: ете бөртөк арпа 'семь зерен ячменя', ете өйзән биртек йыйыу 'собирает обрядовую пищу от радикулита из семи домов', ете тазра күзәнәген сайкау 'ополаскивание семи оконных звеньев', ете йотом һыу 'семь глотков воды', ауырыуың буйын ете төрлө ет менән үлсәү 'измерять рост больного нитками семи разных цветов'.

Г.И.Рамстедт относит тюркскую форму *toqiz* к монг. *tokur* (несгибающийся, скрюченный (о пальце) [Рамстедт 1957, 66]. М.Рясянен считает, что числительное *toqiz* 'девять' в конечном итоге связано с

побудительной формой от глагола *toku-* 'стучать', *tokkыз-* 'вели стучать' [Räsänen 1957, 78]. Число *toqуз* 'девять' у тюрков было когда-то пределом счета: об этом свидетельствует его значение 'много, неисчислимо' в турфанском говоре уйгурского языка и счет на девятки у якутов *syлgy toуysа* 'калым в размере девяти лошадей, девяти быков и девяти коров' [СИГТЯ 1988, 171].

Число туғыз 'девять' у башкир встречается в верованиях, связанных с рождением ребенка. По представлениям народа, ребенок появляется на свет по истечении *девяти месяцев, девяти дней и девяти часов, девяти мгновений*. Жизнетворящая сила, целостность числа туғыз 'девять' прослеживаются в пожеланиях повивальной бабки:

Туғыз айза тулгандың,

Девять месяцев вертелся,

Туғыз көндә болгандың,

Девять дней крутился.

Кендек инәң мине бел...

Знай, я – повивальная бабка...

Число туғыз 'девять', наряду с числами 3, 6, 7, 12, используется в определении количества голов некоторых мифических существ. В сказках встречаются девятиголовые змеи, драконы, дивы: *туғыз башлы аждаһа* 'девятиглавый дракон', *туғыз башлы дейеу* 'девятиглавый див', *туғыз башлы йылан* 'девятиглавая змея'.

В связи с троекратным повтором отдельных троекратных действий постепенно в обрядах башкир выделяется числовая характеристика девятки как магического числа, производного от традиционной троичности. К магической силе числа девять обращались с целью увеличения, убыстрения силы заговора: *өзлөгөүзе ауырыуың итәгендә туғыз ерзән көл тәйөп имләгәндәр* 'осложнения после родов заговаривали, завязав на подоле платья больной девять узелков с золой'.

Число туғыз 'девять' использовалось в заговорах, где обращались к магии обратного счета. Считалось, что убывание счета приводит к последовательному убыванию и полному исчезновению недуга, болезни.

Число *двенадцать* у тюрков участвует в образовании астрономических и календарных терминов: крх.-уйг. *on iki ükāk* 'двенадцать знаков зодиака', ср.-уйг. *bütünlükün aяlar sany Tanry üskindä on iki ay* 'всего месяцев в ведении Танры – двенадцать' [СИГТЯ 2006, 635].

Другая функция числа *двенадцать* у тюрков – выражать некую полноту, целостность: каз. *on jeki müşe* 'весь организм, все тело' (досл. 'двенадцать членов'), *on jeki saqqa* 'всякого рода, разнообразный' (досл. 'двенадцать догадок') [СИГТЯ 2001, 590].

У башкир с числом ун ике 'двенадцать' связано летоисчисление, основанное на системе *мәсәл* – двенадцатилетнем цикле. По тюркскому

календарю *мөсәл* обычно вели исчисление благоприятных и неблагоприятных годовых циклов, по нему пытались планировать в основном отрасль скотоводства.

Сакральное число *ун ике* 'двенадцать' встречается в мифологических представлениях башкир, связанных с двенадцатью небесными богами (тәңрә). О поклонении башкир двенадцати божествам писал в X веке Ибн-Фадлан: «*Кое-кто из них говорит будто бы у него двенадцать господов: «у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ»* [Ковалевский 1956, 130-131].

По мнению М.Рясянена, числительное *қырғу* 'сорок' означает 'излом, поломку', иными словами 'предел счета' [Räsänen 1957, 76].

В башкирском языке сакральное значение числа *қырк* 'сорок' ярко выражено в поверьях, связанных с рождением и смертью человека, где отражены ранние мифологические, а также религиозные представления народа о сорокадневном сроке вселения души (после рождения) и оставления душой тела (после смерти): *кешегә йән қырк көн эсендә инә һәм қырк көн эсендә генә сыға* 'душа вселяется в человека в течение сорока дней после рождения и покидает также в течение сорока дней после его смерти'.

Этнокультурное понятие о сороковом, значимом счете у башкир закрепилось в ритуальном наименовании *қыркы сығыу* 'миновать, пройти сорок дней после смерти или родов, рождения'.

Существует очень много поверий и запретов, связанных с сорокадневным периодом после рождения ребенка: в течение сорока дней нельзя оставлять младенца одного без присмотра, так как его может подменить черт (при необходимости надо положить в колыбель нож или другие обереги); нельзя укладывать ребенка на полку в бане; волосы ребенка нужно стричь до сорока дней и др.

Значимость сорокадневного отрезка времени после смерти человека проявляется в следующих поверьях: *мәрхүмдән йәне қырк көн буйына өйзә йәки өй тирәһендә, үлгәндең тугандары, кәрҙәштәре янында осоп йөрөй, ти* 'говорят, душа покойного в течение сорока дней летает дома, вокруг дома или около родственников'. Через сорок дней после смерти человека проводят поминки – *қыркы*. Выражения *қыркын үткәреу* 'проведение сороковин', *қыркын укытыу* 'чтение Корана на сороковины' связаны с поминальным обрядом башкир. В других тюркских языках поминки на сороковой день передаются выражениями: турк. *qırqu* 'сороковины', каз. *qırqyn berdi* 'устроши

(досл. дали) сороковины', алт. *kyruk* 'поминки на сороковой день', чув. *xêrêx kinxi* 'поминки на сороковой день' [СИГТЯ 2001, 592].

К магии числа **кырк** 'сорок' обращались в обрядах вызывания дождя: *ямзыр сакырзанда күпергә кырк күнәк һыу койзандар* 'при вызывании дождя на мост выливали сорок ведер воды'.

Сакральная семантика чисел **йөз** 'сто', **мең** 'тысяча' в башкирском языке связывается со значениями "много, множество", а также с долголетием, вечностью. В выражениях **йөз йәшә** 'живи сто лет', **мең йәшә** 'живи тысяча лет' числа **йөз** 'сто', **мең** 'тысяча' передают пожелание долголетия. В башкирских сказках встречается персонаж **йөзйәшәр карт** 'столетний старик', который предстает перед батырами как старик-долгожитель, помогающий им советами, исходя из своего богатого жизненного опыта.

Числа 100, 500, 1000 употребляются в определении признака долголетия мифологических змей. По представлениям башкир, змея, дожив до 100 лет, становится **аждахой** 'драконом'. Мифологический персонаж **аждаха** 'дракон', проживший 500 лет, становился **юхой** 'змеей-оборотнем'.

В третьей главе "Отражение числовой символики в башкирском языке" рассматриваются фразеологические единицы с компонентами-числительными, числовая символика в башкирской ономастике, художественно-изобразительная функция чисел в башкирском фольклоре.

В первом параграфе "Фразеологические единицы с компонентом-числительным" мы выявили, что числа в составе фразеологизмов в основном не имеют конкретного количественного воплощения, а выполняют роль специфического знака, условно обозначая символическую функцию, и обладают рядом стилистических черт – образностью, эмоциональностью.

Некоторые из чисел (1, 2, 4, 5, 7, 9, 40, 100, 1000) проявляют большую активность во фразообразовательном отношении, другие, напротив, пассивны. Широкое употребление чисел в ФЕ связано с их сакрализованностью в мировоззрении древних башкир.

В большинстве фразеологических единиц числа употребляются как результат мифологического сознания, представлений народа о построении Вселенной: целостности, совершенстве – **бер тигән** 'самый лучший', единстве двух начал – **ике тамсы һыу кеүек** 'как две капли воды', противоположности двух начал – **ике йөзлө бысак** 'и вашим и нашим' (досл. 'нож с двумя лезвиями'); эталоне и характеристике времени и пространства – **биш былтыр** 'давным-давно' (досл. 'пять прошлых лет'), **ете кат ер астында йылан койшағанен белеү** 'знать, как под семью слоями земли жует змея' (быть информированным обо

всех событиях), күктең етенсе катында булуу 'быть на седьмом небе' (о состоянии наивысшего душевного подъема).

В некоторых фразеологических единицах числа выступают как показатели малого количества: бер ауыз һүз әйтмәү 'ни слова не вымолвить', ике азым 'в двух шагах, очень близко', шул ике арала 'тут же, в один миг'; в других – употребляются для передачи большого количества, беспредельности, усиления действия, гиперболизации: берзе биш итеү 'преувеличивать' (досл. 'одно превращать в пять'), туғызга түкмәстереү 'переиначивать, преувеличивать слухи' (досл. 'менять в девять (обликов)'), кырк корама, кырк ямау 'дырявый, изношенный' (досл. 'сорок заплаток'), йөз һүзгә етеү 'дойти до ста слов', мең бәлә менән 'с большим трудом' (досл. 'с тысячью бедами').

Во втором параграфе "Числовая символика в башкирской ономастике" анализируется башкирская ономастика с числовым показателем. Нами выявлено более 150 топонимов, 50 антропонимов, 30 этнонимов, 20 зоонимов, 20 фитонимов, 10 анатомических названий, 40 этнографических названий и др., в которых числа являются словообразующим компонентом.

В составе башкирских топонимов числа бер 'один', ике 'два', өс 'три', дүрт 'четыре' указывают на конкретное количество объектов и предметов, например, географического объекта, части географических реалий, из которых состоит объект. Малое количество географических объектов (гор, холмов, рек и т.д., находящихся рядом) легко обозримо, и это четко охарактеризовано в самих названиях: Икейылга досл. 'две реки', Икебаш досл. 'две вершины', Өскүл досл. 'три озера', Өстекә досл. 'три крутизны', Өсүзән досл. 'три долины', Өссат досл. 'три развилки', Дүртъяр от дүрт 'четыре' + яр (<айыр) 'рукав'.

Число бер 'один' в сочетании со словами-нумеративами в названиях рек употребляется для передачи малого объема, мелководности рек: Берсүмес досл. 'один ковш', Бергашык досл. 'одна ложка'.

Одни ученые отмечают, что число биш 'пять' обозначает компактное количество, находящееся вместе, как в горсти, пятерне [Молчанова 1976, 154-15]; другие подчеркивают созвучие числительного биш 'пять' с персидским бәс/бәса 'достаточно много' [Атаниязов 1980, 66].

Мы склоняемся к объяснению, что в географических названиях число биш 'пять' указывает на несколько предметов, объектов, находящихся вместе, компактно: гидроним Бишбаш досл. 'пять истоков реки', ойконимы Бишкайын досл. 'пять берез', Бишкарагай досл. 'пять сосен', Бишуба досл. 'пять холмов', оронимы Бишагас досл. 'пять деревьев', Бишташ досл. 'пять камней'.

В башкирских топонимах отмечается широкое употребление чисел в значении “много”: гидронимы *Тугызкаран* досл. ‘девятнадцать рек’, *Тугызгойо* досл. ‘девятнадцать колодезь’, *Йөзайыр* досл. ‘сто притоков реки’, ойконимы *Кыркнарат* досл. ‘сорок сосен’, *Йөзимән* досл. ‘сто дубов’, оронимы *Тугызайу* досл. ‘девятнадцать медведей’, *Кыркты* (< кырк+тау) досл. ‘сорок гор’.

В современной башкирской антропонимике не встречаются имена, образованные от чисел. Числа являлись словообразующим компонентом в древнебашкирских антропонимах. Антропонимы с числовым показателем встречаются в произведениях фольклора, архивных материалах. Числа в составе личных имен в основном указывали на то, каким по счету является в семье ребенок: слово *тәу* ‘первый’ – *Тәүәт*, *Тәүәсура*, *Тәүәлем*, *Тәүәлебай*, числа *биш* ‘пять’, *алты* ‘шесть’, *ете* ‘семь’, *туғыз* ‘девятнадцать’ – *Бишембай*, *Бишүңгар*, *Бишем*, *Алтыбай*, *Етебай*, *Тугызбай*, *Тугызак*, *Тугызбикә*. Имена с компонентами *илле* ‘пятьдесят’, *етмеш* ‘семьдесят’, *һикһән* ‘восемьдесят’, *тукһән* ‘девяносто’ подчеркивали возраст отца: *Иллебай*, *Етмешбай*, *Һикһәнбай*, *Тукһәнбай*. Имена с компонентами *йөз* ‘сто’, *мен* ‘тысяча’ давались с пожеланием долгой жизни: *Йөзйәшәр*, *Йөзбай*, *Йөзбәк*, *Йөзөкәй*, *Меңйетәр*.

В работе рассматривается происхождение этнонимических названий *мен* досл. ‘тысяча’, *ун* досл. ‘десять’, *кырк* досл. ‘сорок’, *бишүл* досл. ‘пятеро сыновей’, *ете ырыу* досл. ‘семь родов’ и др.

Башкирский этноним *ун*, по словам Р.Г.Кузеева, может восходить к гуннской эпохе, к племенам конфедерации *он-уйгуров*, чем и можно объяснить происхождение названия [Кузеев 1974, 349]. Исходя из истории происхождения племени *туғыз*, можно полагать, что этноним *туғыз* произошел от *тоғыз оғуз* ‘объединение девяти тюркских (досл. огузских) племен’ [Кузеев 1974, 204].

Название союза семи башкирских племен *ете ырыу* досл. ‘семь родов’ говорит о наличии в союзе семи родов. Башкиры считают, что начало их народу положили семь племен – *ете ырыу*. Р.Г.Кузеев отмечает, что “племенной союз в юго-восточной и южной Башкирии в XIV-XV вв. действительно существовал” [Кузеев 1974, 115].

Как у многих тюркских народов, название созвездия *Етегән йөндөз* ‘Большая Медведица’ у башкир связывается с сакральным числом семь. Э.Р.Тенишев отмечает, что тюркское слово *jetegep* обычно связывают с числительным *jeti/zeti* ‘семь’ по замеченному древними тюрками количеству наиболее ярких звезд в созвездии, и приводит названия созвездия в тюркских языках: кирг. *jeti arqar* досл. ‘семь горных баранов-самок’, *jeti karakcy* досл. ‘семь воров’, узб. *jetti aqajni* досл.

‘семь братьев’, алт. *d’eti qa:n* досл. ‘семь ханов’ [СИГТЯ 2006, 345, 633].

Числа встречаются в анатомических названиях. В разных говорах бытуют разные названия “книжки” (части желудка у жвачных животных): *кырккарта* (дем., карид., сред., сакмар.) досл. ‘сорок кишок’, *кырккарын* досл. ‘сорок желудков’, *кырккатмаз*, *кырккатмар* (дем.) досл. ‘сорок слоев’, *кырккат* (сред.) досл. ‘сорок слоев’, *кырккаттансыг* (дем., миас., среднеур.) досл. ‘сорокаслойный’. Следует отметить, что для обозначения этого внутреннего органа животного представители разных говоров обращались к числу *кырк* ‘сорок’.

Интерес представляют фитонимы, в обозначении которых народ обратил внимание на многочисленность или малочисленность листьев, особенности корней и стебля (*өсйапрак* досл. ‘три листочка’ – мелкая чилига, *кыркбыуын* досл. ‘сорок звеньев’ – хвощ), а также на единственность, беспарность, толщину, длину какой-либо части растения (*һыңараяк* досл. ‘одна нога’ – земляника).

В зоонимах компонент *куш* ‘спаренный, двойной’ определяет спаренность органов животных: *кушаяк* ‘тушканчик; крыса’ (досл. ‘спаренные ноги’). В некоторых случаях он указывает на величину какого-либо органа: *кумбаш* (диал.) ‘голавль’ (досл. ‘двойная голова’ – о рыбе с большой головой). Название *бергариш* (диал.) ‘лягушка’ (досл. ‘один вершок’), образованное от сложения количественного числительного и нумеративного слова, видимо, дано согласно размеру животного. В сакмарском говоре бытует название *өскат куңыз* ‘светлячок’ (досл. ‘трехслойный жук’), которое указывает на внешний вид жука, у которого объемные крылья выглядят многослойными.

Числа встречаются в мифологической и этнографической лексике. Названия детской болезни рахит *өсйән* досл. ‘три души’, *етейән* досл. ‘семь душ’ связаны с поверьем башкир о том, что причиной болезни является наличие в ребенке трех или семи душ.

Числа встречаются в названиях поминальных блюд. На третьины готовили *өсйәймә* досл. ‘три лепешки’, *өс йока* (дем.) досл. ‘три тонких (лепешек)’, на седмины – *етейәймә* ‘семь лепешек’, *ете йока* (диал.) досл. ‘семь тонких (лепешек)’, на сороковины – *кырк белеп* (дем.) досл. ‘сорок блинов’, *кыркйәймә* (сакмар., кизил.) досл. ‘сорок лепешек’, *кырккатмар* (дем.) досл. ‘сорок слоев’. Поминальную пищу обязательно должен был попробовать каждый, а если не мог съесть, уносил с собой, чтобы не обрекать покойника на голод на том свете [Хабибуллина 1998, 66].

Названия *бишбил* досл. 'пять поясов', *осбил* (аргаш., сред.) досл. 'три пояса' указывают на приталенную форму национальной одежды – полукафтана. Платье с оборками называлось *өстөйтәк* (сред.), *өститәк* (гайн., карид.) досл. 'три юбки', так как на подол платья пришивались три оборки.

Есть и другие названия с числовым показателем, которые представляют интерес для нашего исследования: *яңғыз юл* (дем., миас.) досл. 'одинокая дорога' – тропинка, *яңғыз коза* (дем.) досл. 'одинокий сват' – шафер (называется так, потому что по обычаю шафером на свадьбе должен быть холостой парень), *кушага* досл. 'брат-напарник' – шафер (здесь внимание акцентируется на том, что шафер является напарником жениха); *кушбала* (среднеур.; лит. игезәк) досл. 'два ребенка' – близнецы; *өсыяк* (сакмар.) досл. 'три стороны' – трехстенка, пристройка, *куштояк* (дем.) досл. 'спаренные копыта' – скот, преподнесенный в подарок (имеется в виду парнокопытное животное) и др.

В третьем параграфе "Художественно-изобразительная функция чисел в башкирском фольклоре" рассматриваются числа, которые выполняют художественно-композиционную роль в тексте фольклорного произведения.

Сакральная символика, заложенная в понятие числа на различных этапах развития человечества, является характерной чертой числительных башкирской фольклорной традиции, а именно эпосов, сказок, песен, загадок, поговорок и пословиц. Употребление чисел в народном творчестве связано с древнейшими мировоззренческими понятиями и определенными закономерностями фольклорной поэтики.

Числа употребляются в определении количества главных действующих лиц, объема, размера сказочных объектов в сказках, эпосах, легендах: *Борон-борон заманда Эйек йылғаһы буйында йәшәгән, ти, бер карт менән бер әбей. Уларҙың булған, ти, өс улы* 'Давным-давно на берегу реки Ик жили старик со старухой. У них было три сына' (сказка "Сафар").

В сказках, эпосах встречаются повторы: троекратные, семикратные, семидесяти семикратные и др. Повторы в фольклорных произведениях убыстряют или, наоборот, замедляют развитие сюжетного события: *Буз толпар уны өс тапҡыр һауаға сөйҙө, өс тапҡыр ергә һукты* 'Сивый толпар три раза поднял его в воздух, три раза ударил об землю' (эпос "Кузыкүрпес и Маянхылыу").

Числа выполняют композиционную функцию, становятся средством ритмической и звуковой организации эпического стиха, на основании аллитерационно-ассонансного созвучия слов организуют стихотворные строки. Как известно, на основе первичной звуковой

организованности языка образуется система звуковых повторов стиха. Это ярко проявляется в загадках, пословицах, поговорках, например:

Әй артында дүрт бүре,

Дүртеһе лә күк бүре.

'За домом четыре волка,

Все четыре сивые' (ответ – оконные створки).

Һигез һыйыр асрағансы һимез һыйыр асра 'Чем содержать восемь коров, лучше содержать одну упитанную'; егет кешеһә етмеш төрлө һөнәр ҙә аз 'Молодцу и семьдесят ремесел мало'.

Удесятеренные варианты числительных – 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90 – несут гиперболизирующую функцию в описательных конструкциях: *алтмыш колас ала бейә 'кобыла в шестьдесят охватов', туғыз юрган саклы кара болот 'туча размером в девять одеял'.*

В фольклоре числа могут служить для обозначения пространства и времени, в котором действует герой или совершается его путешествие, происходит борьба с темными силами, врагами. Отчетливо прослеживается использование выражений: *ете көн, ете төн 'семь дней, семь ночей', утыз йыл 'тридцать лет, кырк көн 'сорок дней'.*

Немыслимо дальше, фантастическое расстояние в сказках передается выражениями *ете (туғыз) диңгез аръяғында 'за семью (девятью) морями', ете (туғыз) тау артында 'за семью (девятью) горами'.*

В заключении диссертации обобщаются основные результаты исследования, отмечаются особенности функционирования сакральных чисел в языке и культуре башкирского народа. Выявлено, что числовая символика играла важную роль в культуре башкир. Из всего набора числового комплекса, которая формирует числовые представления башкир в рамках картины мира, выделяются числа 1, 2, 3, 4, 7, 9, 40, 100. Сакральная символика этих чисел зафиксирована в духовной и материальной культуре, верованиях, обычаях и обрядах, заговорах, мифологических и космологических представлениях, фольклоре и языке народа.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Муратова Р. Т. Сакральное число *ете* 'семь' в башкирском языке // Искусство и образование. – 2008. – №7. – С.41-44 (Журнал "Искусство и образование" входит в "Перечень научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ").

2. Баймурзина Р. Т. Отражение модели мира в эпосе “Урал-батыр” // Эпос “Урал-батыр” и мифология: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: Гилем, 2003. – С.65-67 (на баш.яз.).

3. Баймурзина Р. Т. Символика чисел в лечебной магии башкир // Городские башкиры: проблемы языка и культуры, здоровья и демографии. Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. – Уфа: Гилем, 2004. – С.263-268 (на баш.яз.).

4. Баймурзина Р. Т. Сакральное число *кырк* ‘сорок’ в башкирском языке // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: Гилем, 2005. – С.141-142 (на баш.яз.).

5. Муратова Р. Т. Символика чисел в башкирской фразеологии // Башкирская филология: история, современность, перспективы. Труды Всероссийской научной конференции (14-15 октября 2005 г., г. Стерлитамак). – Уфа: Гилем, 2005. – С.51-53.

6. Муратова Р. Т. Сакральное число *өс* ‘три’ в представлениях башкир о мире // Башкирская филология: к 70-летию со дня рождения академика АН РБ З.Г.Ураксина. – Уфа: Гилем, 2005. – С.156-161.

7. Муратова Р. Т. Лексико-тематические группы башкирских названий с числительным компонентом // Языковая политика и языковое строительство в Республике Башкортостан: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. – С.74-76.

8. Муратова Р. Т. Символика числа *өс* ‘три’ в духовной культуре башкир // Духовное наследие и современная культура: текстология, освоение и изучение. Материалы международного симпозиума. – Алматы: Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК, 2006. – С.142-147.

9. Муратова Р. Т. Мифологические основы символики числа *өс* ‘три’ в башкирском языке // Языки и литературы тюрко-монгольских народов Алтая: Материалы Международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск, 2006. – С.182-185.

10. Муратова Р. Т. Число *туғыз* ‘девять’ в башкирской языковой картине мира // Подвижники сибирской филологии: В.А.Аврорин, Е.И.Убрятова, В.М.Наделяев. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27-29 сентября 2007 г.). – Новосибирск, 2007. – С. 166-169.

11. Муратова Р. Т. Магические числа в свадебном обряде башкир // Семья и семейные традиции у народов Башкортостана. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной “Году семьи” в России и “Году социальной защиты семьи” в Башкортостане (Учалы, 5 марта 2008 г.). – Уфа, 2008. – С.76-79 (на баш.яз.).

12. Муратова Р. Т. Изучение ономастической лексики башкирского языка в городских школах (на материале зоонимов и фитонимов) // Городские башкиры: прошлое, настоящее, будущее: Материалы V Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир (г. Бирск, 9 апреля 2008 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – С.99-102.

13. Муратова Р. Т. Число *бер* 'один', слова *яңғыз* 'одинокий', *һыңар* 'беспарный', *тәүге* 'первый' в башкирской мифологии // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н.К.Дмитриева (Уфа, 27-28 июня 2008 г.). I том. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – С.153-157.

14. Муратова Р. Т. Этнокультурная семантика числа *ике* 'два' в башкирском языке // Теория и практика башкирского языка и литературы в свете современных достижений филологических наук: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 6-8 ноября 2008 г., г. Стерлитамак. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. – С.158-161.

15. Муратова Р. Т. Числовая символика во фразеологизмах башкирского языка // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Вып. II. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – С.70-76.

16. Муратова Р. Т. Башкирские топонимы с числовым компонентом // Актуальные проблемы истории, языка и культуры: Сборник трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. III выпуск. – Уфа, 2008. – С.174-178.

17. Муратова Р. Т. Символика чисел в мифологических представлениях башкир о мире // Актуальные проблемы истории, языка и культуры: Сборник трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. III выпуск. – Уфа, 2008. – С.178-183.

18. Муратова Р. Т. Символика числа *туғыз* 'девять' в башкирском языке // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках разработки 7-томного издания "История башкирского народа" (Уфа-Сибай, 27-29 мая 2009г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – С.214-216.

19. Муратова Р. Т. Модель числа в башкирской языковой картине мира // Актуальные проблемы башкирского теоретического языкознания: Сборник материалов республиканского методологического семинара (Стерлитамак, 20 мая 2009 г.). – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2009. – С.95-99.

Муратова Римма Талгатовна

**СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.02 – Языки народов
Российской Федерации (башкирский язык)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 11.11.2009 г.
Бумага офсетная. Формат 60х84/16.
Усл.печ.л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ 137.
Отпечатано на ризографе с готового оригинал-макета

ООО "Деловая династия"
г. Уфа, пр. Октября, 71, тел. (347) 235-60-50

10-